Ждал её в совершенно пустом кафе посреди солнечного Донецка. Потом курил на улице, сидя на приступочках.

Подъехало тонированное такси, и я откуда-то сразу догадался, что она там.

Но целую минуту из машины никто не выходил.

Я смотрел на такси: ну, выходи уже, я тебя узнаю, уже узнал, Анна Долгарева. Хотя не видел её ни разу, только стихи читал, удивительные.

Нет, и всё, стоит себе машина, не шелохнётся. Думаю: подвела тебя твоя интуиция, парень.

Отвернулся. Но сам всё равно кошусь на авто: неужели ошибся?

Совсем разуверился уже, и вдруг вышла.

Чуть неуверенная в своих движениях, как человек вдруг, после долгой темноты, оказавшийся на свету.

Присела рядом.

Говорит:

— А я сигареты не взяла. Думала, в кафе нельзя.

— В кафе нельзя, — говорю, подавая сигарету.

Она была вся в чёрном. Майка, брюки — чёрные.

Сигарету держит как-то по-женски, не очень естественно.

Большую часть войны Аня провела в Луганске. В Донецке она недели, что ли, две или три — в Луганске сейчас стреляют меньше, а она старается всегда быть там, где стреляют.

Вообще Анна журналистка, поэтому и ездит туда, где бомбёжки. Сто раз уже видела всё это, и всё равно едет.

“Не страшно?” — спросил потом.

“Я же приехала сюда умереть”.

Она произнесла эти слова так, что почти невозможным образом в них не осталось ни пафоса, ни позы. Но она всё равно улыбнулась, словно извиняясь, что приходится так отвечать.

* * *

Друг мой, друг мой
(друже),
Когда вы развернёте на нас оружие
(коли запалає сніг),
промедли пару мгновений
(помовч хвилину)
и вспомни меня (звернися до мене),
и помни, что куда бы ты ни стрелял

(пам'ятай, коли будешь стріляти),
у тебя под прицелом будет моя земля
(перед тобою будуть зморщені хати),
у тебя под прицелом буду я — растрёпанная,
с чёрным от боли лицом, как эта земля
(пам'ятай, моє сонце, коли ти стрілятимеш,
бо стрілятимеш в мене, куди б не стріляв),
потому что я — эта земля и её терриконы,
и её шахтёры, взявшиеся за оружие
(пару хвилин зачекай,
а потім все одно,
все одно стрілятимеш в мене, друже).

* * *

Это она, её стихи.

Давайте я сразу выложу все карты, чтоб никаких театральных пауз не делать.

Анна Долгарева – поэтесса, родом с Украины, но последнее время жила в России, работала там, обживалась как-то.

Выпустила книжку стихов, ездила время от времени по России – выступала как поэт, имела свою толику успеха и узнаваемости.

У неё был парень, она его любила.

Когда началась война, парень пошёл в ополчение воевать. И его убили.

Она бросила всю свою прежнюю жизнь и переехала на войну.

И с тех пор она на войне.

Я знаю несколько аномальных историй, связанных с чем-то подобным: люди бросают свою жизнь, рвут все связи и оказываются на Донбассе.

Чаще всего это мужчины, но несколько женщин я тоже знаю.

Но только одна из них – прекрасный поэт. Это Аня. Стихи здесь будут только её. Они тоже часть рассказа. На самом деле, куда более важные, чем все остальные слова.

* * *

встречаются осенью, детскую площадку заметают листья,
со временем выцветает смех, и глаза, и лица,
узнают друг друга не сразу,
настороженно курят,
переглядываются, словно враги;
при жизни не протянули бы друг другу руки,
но теперь они на другом берегу реки,
и текут облака, и ревут быки...

сколько лет дружили они и сколько лет воевали,
под осколками мин, под дождём из стали,
сколько лет до того дружили,
покуда жили,
а не из последних сил выживали...

вот стоят они на детской площадке, как стайка детей,
на другом берегу реки, на перекрёстке путей,
и кто-то говорит: "А помните, мы здесь были,
вот в таком же холодном, пронзительном октябре,
и звенящий воздух, затянутый нитками пыли,
розовел, как живой, на заре..."

и тишина проходит, лопается печать,
и начинают они говорить и звучать,

и смеяться, и вспоминать былое,
и совсем не говорить про войну,
словно это братство так и было единым,
и летят листки по теням их длинным,
и вода течет сквозь легкую пелену
вечернего тумана, сквозь сияние и тишину...

раздвигаю пальцами воздух, ни пятнышка не найду...
"А помните, ребята, в одиннадцатом году...
а помните, в лес выбирались, а помните, как..."
вдалеке ревут быки, замыкается круг...
дай мне сигарету, мой старый враг,
дай мне сигарету, мой старый друг.

* * *

Наверное, такие вещи нельзя говорить, но я скажу.

Поэзия способна оправдать многое. Поэзия, смею наивно надеяться я, один из самых лучших адвокатов на любом страшном суде.

Ну, ладно, если не на Божественном, то уж точно — на человеческом.

Если о времени сложены стихи и песни, если время породило эпос — значит, оно удалось, оно останется, его запомнят. Даже если посреди этого времени выросла как самый страшный сорняк — война. Тем более — гражданская.

К примеру, про советскую власть, красноармейцев и красные знамёна — очень много хороших стихов, и как бы мы к той власти ни относились — она всегда будет реабилитироваться если не напрямую, то контрабандой, через Блока, Маяковского, Есенина, Багрицкого и Луговского. Мальчишка новых времён зацепится за поэтическую строку, словно рубахой за гвоздь на заборе, и зависнет в тех временах, и неизбежно начнёт о них ностальгировать.

А про постсоветскую "демократию" хороших стихов нет, и об этом времени будут думать и помнить только те, кому там было хорошо. Остальным там делать нечего, и цепляться не за что.

Когда начиналась вся эта история на Майдане и затем в Крыму, я меньше всего об этом думал. Но когда с той стороны зазвучала песня "Никогда мы не станем братьями..." — пришлось задуматься.

Хорошая новость, на мой пристрастный вкус, в том, что замайданная сторона любит не просто пафос, а пошлый, дурно срифмованный пафос. Видеть себя и только себя в качестве жертвы, расцарапать себе лицо и на камеру произносить страстные монологи в духе древнегреческого театра, только не очень умные.

Когда Россия бомбила Чечню, здесь никому в голову не приходило складывать стишки про ваххабитов и хором, по ролям, их читать. Я испытываю по этому поводу некоторое уважение к своему народу.

Не самые хорошие новости в том, что люди Донбасса (или, если угодно, Новороссии) пока не написали о себе так, чтоб это можно было занести на скрижали.

Первое слово здесь сказала Анна. Аня.

Это было слово ломкое и женское. Но очень важное и сильное.

* * *

В гильзу от АГС помещается 20 грамм,
в данном случае — виски. Мы пьём без звона,
ветер с востока хлопает дверью балкона.
Пьём за тех, кто более не придёт к нам.

Пьём за любовь, за свою мирную жизнь,
за наше большое будущее, поскольку все мы
относительно молоды; неубедительнейшим "держись"
пытаемся поддержать друг друга на время.

Сентябрь начался, с востока идёт гроза,
молчат миномёты, автоматы притихли даже.
Один комроты, смотря на меня, сказал,
что мечтает увидеть женщину не в камуфляже.

Здесь земля отверженных, нам уже никуда от неё не деться,
ветер степной пахнет смертью, мятой и мёдом.
Мы пьём за любовь, за правду, за счастливое детство,
пьём, не чокаясь, из гильз от гранатомёта.

* * *

– Ты родилась в Харькове.

– ...в 1988 году. И в Харькове выросла. Родители у меня оседлые люди – они даже сейчас не хотят оттуда уезжать.

– У вас такая русская советская семья, родители – интеллигенция?

– Ну, да – инженеры.

– Когда ты росла, там уже было что-то специфически украинское в Харькове?

– Было. Учебники у нас были.

– Истории, имеется в виду?

– Истории и украинской литературы... Они создавали когнитивный диссонанс. Например, в учебнике истории могло быть написано, что Богдан Хмельницкий лучший сын украинского народа, потому что он нас освободил от гнёта поляков. Одновременно в учебнике украинской литературы писали, что Богдан – это зрада, предательство, потому что он нас присоединил к России.

– А в домашней среде, на улицах, были какие-то разговоры на эту тему?

– Нет. Люди старшего поколения – все были нормальные. И учителя, и мои знакомые, и родители.

– А одноклассники?

– Нужно сказать, что я была в школе, как бы это сказать, социофобом... С одноклассниками мы начали ругаться, когда началось всё это: УПА, Бандера и так далее. А потом случился оранжевый майдан, и многие у нас надели оранжевые ленточки.

– Многие – это как? Три человека в классе или половина класса?

– Человека три, но они были очень активные, поэтому казалось, что их очень много. Они были меньшинством, но у них была выраженная гражданская позиция.

– То, что сегодня говорят о себе самые заядлые украинофилы – о своей литературе, о своей истории, – как ты это расцениваешь?

– С украинской культурой я знакома, наверное, лучше, чем многие, кто про неё пишет. Украинская культура есть, и местами она очень неплоха. Та же Лина Костенко, вне зависимости от её политических убеждений, – прекрасный поэт. Украинские народные песни мне очень нравятся, есть хорошая литература, преимущественно XX века. Можно меня сейчас закидать камнями, но Василь Барка – ярый русофоб и антисталинист – писал с литературной точки зрения очень неплохо. Из поэтов – Микола Хвылевой, Сосюра, Малышко – замечательные поэты. А Лина Костенко просто моя любовь.

– Ты по-украински говоришь?

– Да, свободно... Только устала от него. Наверное, потому, что мне его слишком активно навязывали. Когда я приезжала в Россию, ещё живя на Украине, мне очень нравилось, что вокруг русский язык, надписи на русском языке, вывески. К украинским надписям тоже привыкла, но русские лучше, как оказалось. Читать на украинском тоже свободно могу. Но сказать, что украинская культура в чём-то круче русской – это будет очень большой ложью. И это не оттого, что Украина меньше России. Франция тоже меньше России. Просто у Украины истории толком нет. Вся её история заключается в том, что она была под тем-то и под тем-то... Но я категорически не согласна с утверждением, что в силу этого самой Украины нет. По факту мы её имеем. Давайте уже с этим что-то делать. А пытаться делать вид, что её не существует, – нелепо.

* * *

Аня заказала себе мохито. Безалкогольное.

Ну, и я за компанию с ней решил это выпить. Никогда в жизни не пробовал этого напитка.

На улице стояла ужасная жара, как в одной старой песне.

— Ты была единственным ребёнком в семье?

— У меня еще братец есть. Причём вот он — яростный украинский националист.

— А сколько ему лет?

— 21 год.

— Он же русский.

— Технически да, но он говорит, что раз он родился на Украине, значит, он украинец.

— А что, как ты выражаешься, "технически" происходит с людьми, раз у них случается такая перезагрузка программы?

— Во-первых — школа. Во-вторых, насколько я понимаю, у них там какая-то особая тусовка — я не очень в это вникала, но он очень интересуется бодибилдингом... Но я этой среды не знаю, я уехала из Харькова, когда он был ещё достаточно мелким.

— То есть вы ещё не успели с ним сдружиться, о чём-то поспорить?

— Да, всё же разница 7 лет.

— И ты с ним не общалась больше? Не звонила, не спрашивала, что с тобой стряслось, брат?

— Мы поссорились не из-за политики, а... он действительно очень хамоватый ребёнок вырос.

— А у родителей как с ним отношения?

— Родители к этому относятся так, что это, конечно, дурак, но это же наш сын.

— Он никуда не ездил воевать? Он просто бродит и кричит кричалки?

— Нет, он даже не кричит кричалки. Он больше в Инете воюет. Какое-то время я ещё думала, что можно с ним помириться, но когда после Одессы я увидела его пост про "жареных колорадов", я подумала, что всё.

— Слушай, давай ещё раз проговорим. Я не понимаю, как юноше можно отказаться от принадлежности к огромной стране, к своему народу, который побеждал на протяжении почти тысячи лет и, вместо этого, присоединиться к народу, хоть и красивому, задорному, даровитому, но, давай называть вещи своими именами, региональному. К тому же придумавшему очень увлекательную, но, к сожалению, крайне неправдоподобную собственную историю. Я понимаю, если человек реально украинец и он думает: малый народ, да свой. Это стоит уважать. Но когда русский человек меняет свой код... Кажется, молодые люди хотят быть причастными к чему-то, что ли, более сильному, более надёжному?

— То, что они хотят прислониться к сильному, как раз и было той причиной, по которой у них поплыли мозги. Дело в том, что Майдан шёл путём маленьких побед. Сначала там объявились какие-то люди, говорившие что-то про евроинтеграцию, следом побили студентов. Потом они собрались и увидели, что они сильны и могут на что-то влиять, потому что власть всё время шла на какие-то уступки — шаг вперёд и два назад. Они увидели, что если ещё чуть-чуть поднажать, то они смогут чего-то добиться. В итоге это привело к тому, что уже в феврале Майдан без большой крови было не разогнать. А когда Майдан победил, они решили, что они могут называть себя сильными и ассоциировать себя с победителями. Если ты ассоциируешь себя с Майданом, ты ассоциируешь себя с победителями.

— Логика правильная, но только если начинать отсчёт с Майдана. Но ведь это раньше началось.

— Тогда всё-таки школа, потому что там все 10 лет их обрабатывали. И это действует на внушаемых подростков. В них уже сидит это знание, что Украина на самом деле прекрасна и крута. Плюс, когда мы учились, Россия была довольно слабая — ельцинская Россия, которая умудрилась промотать то, что было у Советского Союза. И в России было плохо, и у нас здесь было плохо. Да, был сильный Советский Союз, но он кончился — и это прошлое; логично на прошлое не ориентироваться.

— Из текущей ситуации ты можешь сказать, что твой брат, и многие его сверстники, и те, что постарше, могут измениться? В силу собственных неудач или в силу того, что, к примеру, Россия будет выглядеть объективно лучше?

— Они — нет. Их дети — да. Отказываться от того, во что вложено столько эмоционального ресурса, они не станут. Это всё равно для них, что отказаться от самоидентичности. "Если я столько времени вкладывался в неправое дело, значит, я очень плохой? Невозможно". Это чисто психологическая штука.

Мы некоторое время молчим.

— Как ты к ним относишься? — спрашиваю.

— Я не хочу ненавидеть. Потому что если начнёшь ненавидеть, скатишься туда же, где они сейчас. Потеряешь способность адекватно оценивать ситуацию и ничем от них отличаться не будешь. Мне скорее кажется, что это война идей не на уровне "великая страна" против "не великой страны", а на уровне людей, которые способны трезво мыслить, против людей, которые одурманены. Одурманены ненавистью.

* * *

Откуда-то в кафе появился человек с гитарой, местный музыкант, и начал наигрывать что-то невыносимо лирическое.

— Пойдём-ка на веранду, — предложил я, — Заодно покурим.

Мы расположились на тихо вскипающей улице. Нам принесли наше мохито.

— Когда я закончила институт, я уехала в Киев, потому что была очень домашней девочкой и мне было страшно вот так сразу переезжать, например, в Питер. Я училась на химфаке, причём абсолютно не по прикладной специальности — квантовая химия. И думала, что буду наукой заниматься. Но у меня напрочь отсутствовали способности к тому, чтобы пробиваться в жизни. А в Киев меня как раз звали в аспирантуру — и я поехала туда. И мне очень повезло, потому что в аспирантуру я не поступила. На тот момент как раз вышла игра "World of Tanks", я начала в неё играть и не смогла поступить.

— Ты так увлеклась компьютерной игрой, что не смогла поступить в аспирантуру?!

— Да.

— Стрелялка?

— Ну, да, танки.

(Пауза. Я даже вытащил себе ещё сигарету. И Аню угостил.)

— И что ты там делала, в Киеве?

— Прожила там три года, работала журналистом... Сейчас смотрю, что пишет моя бывшая редакторша из "Бюро новостей" — она даже не за Порошенко, а прямо за "Правый сектор". А так это было очень хорошее, годное издание, настолько годное, что я только спустя год работы узнала, что оно принадлежит Яценюку. То есть, до этого я не знала, и нам разрешали там писать всё, что хочешь. Я там работала с Виктором Трегубовым — это был мой хороший друг, и даже сейчас мы остались хорошими приятелями.

— Это какой-то замайданный журналист?

— Да. Например, Виктор писал яростно статьи евроинтеграционные, я писала яростно за Таможенный Союз, и никого это не парило, главное, чтобы это было хорошо написано. Поэтому меня всё устраивало.

* * *

Когда смотришь на Аню... верней, даже так: когда говоришь с людьми, угодившими на войну, и расспрашиваешь их о прошлой жизни, всё последующее кажется совершенно невозможным.

Ну, вот человек родился. Ну, вот человек учился. Дальше работал. В танчики играл. Аспирантуру пропустил.

Всё время ждёшь, что будет какая-то тропка вбок, и человек не увидит смерти, не узнает смерти, не привыкнет к ней.

Потому что война — это же, как все мы знаем, не про женщин. Более того, это вообще не про людей. Это про какое-то кино. В лучшем случае — про историю: было когда-то, но сейчас так никто уже не делает.

Но продолжаешь говорить с человеком и видишь, что время на исходе, а боковой тропки всё нет и нет.

Из Киева она перебралась в Питер. Это было в 2013 году, совсем незадолго до Майдана.

В 2014 году, уже после победы Майдана, но ещё до войны, Аня приехала в гости к своим киевским друзьями. И один из них сказал: если придут русские, мы всех вас убьём. И если ты, Аня, придёшь воевать, мы в тебя тоже выстрелим.

— Это было всерьёз или вы шутили? — переспрашиваю я.

— Это было всерьёз. Мы не ругались, мы даже продолжали дружить. Собственно, это была констатация факта.

— А этот киевский круг, в том числе твой знакомый, — что это за люди по типу? Ну, грубо говоря, они реально украинцы?

— У большинства из них ярко выраженная самоидентификация "я — украинец" возникла уже после Майдана. До этого они не задумывались... До этого мы с тем же товарищем увлекались кельтской культурой и язычеством.

— А на украинском языке он разговаривал хотя бы?

— Киев в принципе весь русскоязычный был. В 2014 году я заметила, что в маршрутке чаще слышно украинский язык, но знакомые, в том числе и замайдановские, говорили на русском. И говорят на нём до сих пор.

* * *

Я, наконец, спросил Аню про её любимого. Про парня, которого убили. Кто он был, откуда.

— Лёшка мой? — переспросила Аня быстро, как про живого и очень родного человека.

Что-то по-хорошему деревенское было в этом её "Лёшка мой?"

Я кивнул: да, он.

Аня быстро, чуть близоруко посмотрела по сторонам, словно где-то рядом была подсказка.

— Нет, он тоже со сложной географией, — сказала она, собравшись. — Он сын военного, вырос в Одессе. Когда мы познакомились, он жил в Днепропетровске... Перед отъездом в Питер я некоторое время гостила у родителей в Харькове. А Харьков и Днепропетровск рядом находятся, и мы с ним... активно общались. У нас всё как-то глупо получилось, потому что встретились два человека с очень заниженной самооценкой. Я к тому же была после тяжёлого романа, в ходе которого меня активно убеждали, что я никто и звать меня никак. И мне было очень сложно поверить, что такой красивый и умный мальчик всерьёз ко мне потянулся.

— Он молодой парень тоже? — спросил я почему-то в настоящем времени.

— Мой ровесник, 88 года.

— И тоже русский?

— Русский, русский. И убежденный коммунист. Он за коммунизм пошёл воевать.

* * *

на линии фронта мужчина в тельняшке рваной
называл святой меня, обещал не отречься вовеки,
а у меня за спиной была пара десятков романов,
а у меня за спиной текли алкогольные реки,

незнакомые лица, чужие похмельные утра,
нескончаемый стрекозиный танец от марта до марта,
ну, какая из меня святая, я странник на лодке утлой,
испытывающий на прочность границы карты...

изменилось всё на последнем из этих романов:
я купила крем от морщин, потому что захотела жить долго,

жить банально, но счастливо, это было больно и странно,
как в пустой квартире подарок найти под ёлкой...

не случилось, конечно, не сберегла, такие,
как я, не умеют, чтоб их молитва кого-то спасала...
я впервые тогда захотела жить, и впервые —
после всего — вообще хотеть перестала...

не хотела вина и мужчин, вообще не хотела,
крем от морщин я выбросила, не пригодилось,
и спустилась в ад, и не чуяла больше тело,
ни жару не чувствовала, ни сырость...

но такие, как я, никогда не доходят до рая,
и поэтому, в ад спустившись, в аду осталась...
ну, а ты говоришь — святая... ну, какая тебе святая,
обычная баба, просто очень, очень устала.

* * *

— Мы оба были ролевики, — говорит Аня. — Я сама из ролевой среды вышла не так давно, когда уехала на Донбасс.

Тут я перестаю что-либо понимать. То есть я что-то слышал про ролевиков, но никогда с ними не встречался, и всю жизнь думал, что это какие-то подростки, штурмующие кусты с деревянными мечами.

— Ролевики — это не только те, кто с мечами бегает, — поясняет Аня. — Это субкультура, это тусовка, это общение людей, которые знакомятся через ролевые игры, через каких-то общих знакомых. Не все они постоянно играют в ролевые игры. Многие выезжают на игры раз в год, раз в два года.

— А как эти игры выглядят?

— Некоторые действительно выглядят так, что люди бегают с муляжами оружия. Но бывают игры не только по Толкиену, бывают по гражданской войне, и по Желязны, и по Агате Кристи. Господи, по чему только не бывают.

— Ты всю эту литературу читала? Она тебе нравится?

— Да, конечно. В наших кругах очень любят фантастику, фэнтэзи.

— И что, это действительно очень увлекательно?

— Очень.

— А Лёшка... что он был за парень, как выглядел?

— Рост — 1.95, худой и с длиннющими волосами, зелёными глазами, очень правильными чертами лица, низким голосом, и с какими-то очень детскими жестами, мимикой. Хотя на самом деле он был очень заморочен на гиперответственности.

— Какое у него было образование?

— Мехмат.

— А почему "левый"?

— Потому что структурализм — жизненная философия среди ролевиков. Плюс примат государства над человеком в его понимании. Плюс экономическая точка зрения. Ему казалось, что жить для себя, в том смысле, что неважно, что будет с государством, важно — что будет с тобой, — это позиция бактерии, вируса... — она недолго молчит, что-то вспоминая. — В общем, мы с ним так и не поверили, что друг другу всерьёз нужны. Я уже постфактум узнавала, что он был готов переезжать за мной в Питер, но решил, что я не проявила достаточной заинтересованности. Так мы разъехались. Он не продолжил общение, ушёл из всех соцсетей. А потом позвонил мне уже с войны.

* * *

— Он пошёл воевать в середине июля. Приехал на поезде, тогда ещё поезда ходили в Луганск.

Он собирался поехать в июне, но подобрал птенца стрижа и выкармливал

его. Птенца стрижа нужно выкармливать сорок дней. Он выкормил стрижонка, а потом поехал на войну. Его взяли в батальон “Заря”, в артиллерию.

Сначала его вообще брать не хотели, потому что он действительно странно выглядит: очки, длинные волосы, худой. Потом спросили: “А ты кто? – А я математик-программист. – О, это же вычислитель в артиллерии”.

Там реально не было никаких книжек и лишь пара человек добровольцев из России, которые что-то знали, что-то умели и показали. Потрясающе! Я вообще не знаю, как они тогда умудрились Луганск удержать. На Металлисте стояла его батарея во время августовских страшных боёв. Там было две батареи. Потом, когда я уже после его смерти приехала, мне рассказывали, что вторая батарея страшно мазала, “...а вот наша не мазала, потому что у нас Паганель был вычислителем”. Позывной его был – Паганель.

Он погиб 26 марта 2015 года. В Лутугино под Луганском. К тому времени он уже командовал батареей, был капитаном. Хвост пришлось обрезать – обменять на капитанские звёздочки.

А потом его уволили задним числом...

Есть такая команда сверху: минимум боевых потерь. Поэтому избавляются от погибших задним числом. После активных боёв порой озвучиваются такие низкие цифры жертв – оттого что мёртвых увольняют.

* * *

Я сижу у окна, в пасть гляжу фонарю...
мой возлюбленный благословен, — говорю,
и мне чудится за спиной у меня движенье...
И земля, на которой его шаги,
не остави ты нас, сохрани, сбереги,
и трава, что была под ногами его и тенью.

Жгу свечу на окне — заходи же, мой гость.
Будь же благословен его рыжий хвост
и лукавый прищур его, и большие ладони.
Будь же благословенна его родня
(я не знаю, в неё включат ли меня,
мой невенчанный вечный жених бездомный).

Будь же благословенна весна и трава,
и земля уготованная — два на два,
где мы тесно уляжемся рядом, словно впервые.
Будь же благословен. Не скажи: “Прощай”, —
лучше крепче держи меня, не отпускай,
пока мы идём сквозь вороний грай
по-над пропастью, и колосья ржи вокруг золотые.

* * *

Сначала, когда первый раз прозвучало “Лёшка”, она чуть не заплакала. Но как-то быстро и, показалось, уже привычно, взяла себя в руки.

Мы заказали ещё по мохито, уже алкогольного. Она предложила; хотя тут куда лучше подошла бы водка. Но... было бы странно, да? Купить водки и, чокаясь, её пить.

И вот мы сидели, и тянули это дурацкое мохито из трубочек. И всё время курили.

– Родители у него остались?
– Мать в Одессе.
– Ты её не видела?
– Видела. Она тоже была на похоронах.
– Какая она?
– Странная женщина. Последний год он не хотел с ней общаться... Как я

поняла из его слов, его мать очень истеричная и непоследовательная женщина, которая очень хотела, чтобы он был при её юбке.

– Обычная мама... Ты так и не приехала к нему?

– Самое удивительное: нет. Сначала он говорил, чтобы я этого не делала, потому что опасно. Потом говорил: подожди, мне отпуск буквально через неделю дадут, и я сам приеду к тебе в Питер. Я решила ждать. И этого себе никогда не прощу...

– Ты приехала на похороны и решила остаться здесь?

– После похорон я вернулась в Питер, раздала вещи, уволилась с работы...

– Где ты работала?

– Копирайтером на одну московскую компанию, которая игрушками занимается.

– И поехала в Луганск.

– Да.

* * *

В город пришла война.
В город ложатся мины.
В городе разорвало водопровод,
и течёт вода мутным потоком длинным,
и людская кровь, с ней смешиваясь, течёт.

А Серёга — не воин и не герой.
Серёга — обычный парень.
Просто делает свою работу, чинит водопровод
под обстрелом, под жарким и душным паром.
И вода, смешавшись с кровью, по улицам всё течёт.

И, конечно, одна из мин
становится для него последней.
И Серёга встаёт, отряхиваясь от крови,
и идёт, и сияние у него по следу,
и от осколка дырочка у брови.

И Серёга приходит в рай — а куда ещё?
Тень с земли силуэт у него чернит.
И говорит он: "Господи, у тебя тут течёт,
кровавый дождь отсюда течёт,
давай попробую починить".

* * *

– Что мне запомнилось?.. – переспрашивает она.

Запомнилось, как я приехала на первое интервью. Бабушка из Новосветловки – там очень долго стоял батальон "Айдар". Эту бабушку избили двое "айдаровцев" до такой степени, что она потеряла зрение. Причём избили её из-за совершенно нелепой и мутной темы. Дело в том, что у неё во дворе её знакомые поставили джип, но вытащили из него аккумулятор. И эти "айдаровцы" били её, чтоб она сказали им, где аккумулятор. А его просто не было, его забрали...

И вот этот первый разговор произвёл на меня ужасное впечатление. Потом уже были моменты, когда, скажем, неподалеку от Троицкого мы были на передовой, мины совсем рядом летали, но даже тогда не было такого ужаса. Потому что, блин, эта бабушка – она маленькая и худенькая, как воробушек, с абсолютно белыми глазами и с котеночком на руках. Плачет, ходит на ощупь...

– Что местные жители говорили про "Айдар"?

– Ничего цензурного. ВСУ многие жалеют, мол, ребята по призыву пришли. А про этих... Кстати, в Новосветловке ВСУ и "Айдар" перестреливались. В библиотеке сидят "айдаровцы", в школе – "вэсэушники". Спускается ночь, и они начинают друг с другом внезапно перестреливаться. Такое было.

– А среднестатистический наш ополченец – какой он? Взгляды, привычки, характер? Коммунист, анархист?

– Всё это очень эклектично. Много мужиков, которые всю жизнь работали на шахте, и тут к ним пришли. И они взяли в руки оружие и отправились воевать. Преобладают именно шахтёры. Многие из них как бы типа за казачество, но если копнуть поглубже, то окажется, что этот казак – за СССР и за коммунизм. В общем, они просто не заморачиваются на этот счёт.

– Как, по твоим наблюдениям, сегодня чувствуют себя ополченцы? Не устали они?

– Ещё в мае всё было жёстко – у нас, говорили ополченцам, нет никаких боевых действий и мы не имеем права на "ответку". Помню, мы на передовой, в роте AC/DC, по нам бьют и... ничего.

– Есть такая рота?

– Да, там командир роты Вася AC/DC – он большой поклонник этой группы. И там везде эта AC/DC – на бронетехнике, на машинах, на мотоциклах... И сам Вася дежурит по штабу и орёт в рацию матом, чтобы не смели давать ответку. "Ну как же, по нам же лупят!" – "Нельзя! А кто даст ответку – под трибунал пойдет!" Сейчас ситуация немного поменялась.

– У тебя есть знакомые, которые сюда приехали из России?

– Да. Есть знакомый питерский ролевик, он к тому же менеджер среднего звена. Он послушал, как я рассказываю про Луганск, и в августе 15-го сорвался и тоже оказался здесь. Пошёл в батальон "Ермак", он стоял под Первомайском на передовых позициях ЛНР. Потом батальон расформировали, но он остался в Первомайске в полиции. Вообще – это по сей день передовая, город наполовину разрушен.

– И как он мотивирует свой переход?

– А что, говорит, я в Питере забыл?

– Ты сам прожила в Луганске чуть ли не год?

– Год.

– Потом решила, что там ты уже всё знаешь, и решила в перебраться в Донецк?

– Да.

* * *

Всё это время, целый год, тихая, невысокая и очень женственная Аня жила одна в квартире, снятой за три тысячи рублей в месяц, работая журналистом и военкором.

И появляясь время от времени в социальных сетях.

Сегодня её блог представляет собой удивительную, болезненно действующую на меня, но местами очень остроумную (и оттого ещё более болезненно действующую) смену постов – попеременно о бомбёжках, "двухсотых", "трёхсотых" и следом – о жизни её котёнка по имени Феликс. Котёнок то болеет, то выздоравливает, с ним всё время что-то происходит. Он самый важный человек в жизни Ани.

– Феликс? – спрашиваю я. – В честь Дзержинского?

– Да.

– Где ты его нашла?

– В луганском приюте. Я его увидела в ленте Вконтакте. Он сидел с очень надменным лицом – и я поняла, что нет мне жизни без этого котёнка. Я сразу же позвонила и сказала, что давайте мне прямо сейчас котёнка. Мне было очень плохо тогда. Я даже ложилась в больницу, в неврологию, и месяц лежала с тяжёлой депрессией.

– Здесь?

– В Луганске. Я и сейчас на антидепрессантах.

– Они помогают?

– По крайней мере, они делают жизнь приемлемой, без желания каждый день вскрыть вены. Вот... И взяла котёнка. А женщина у меня спрашивает по

телефону: “Почему вы так торопитесь, почему сейчас? Это подарок?” – “Нет, я беру себе. Срочно”.

* * *

– По Харькову не скучаешь?

– Скучаю и по Харькову, и по Киеву, и по Одессе. Я же автостопщица, я очень много поездила по Украине.

– Вот как... Социофоб-журналист, и особенно социофоб-автостопщик – это, конечно, не рядовой случай.

– Разговаривать с человеком, когда он подбирает тебя – просто, – он уже не против общения.

– И что, никогда ничего плохого не происходило?

– Нет, от меня, наверное, идёт какая-то уверенность. Я долгое время занималась ножевым боем, у меня при себе нож. И этот факт уже несколько защищает... Нет, один раз мне пришлось его достать, но не воспользоваться. Просто сказала: чувак, давай разойдёмся миром.

– Поверил?

– Наверное, как-то чувствуется, что не побоюсь воспользоваться.

Я смотрю на неё. Наверное, я чего-то не понимаю. Потому что я чувствую всего лишь, что это очень добрый человек.

– Какие у тебя планы? Будешь тут до конца войны?

Она пожимает плечами, словно не знает ответа. Но тут же отвечает:

– Боюсь самое важное пропустить. Никуда пока не собираюсь.

* * *

– Как тут люди живут? – спрашиваю я.

Мы немного говорим про то, что в Донецке очень много кафе и магазинов, и салонов, и новые рестораны открываются чуть ли не каждую неделю, и можно покупать корма для животных, и вообще здесь идёт вполне себе светская жизнь, в которую не поверишь, пока здесь не окажешься.

В эту минуту к нам на веранду приходит гитарист из кафе, и подключает гитару уже здесь. И тут же начинает играть. Нам приходится ретироваться обратно в помещение.

– Но если пообщаться с людьми в том же посёлке Весёлом... – говорит Аня.

– Что они тебе говорят?

Аня некоторое время раздумывает, чуть морщась, словно пересказывать ей всё это не очень хочется. Но отвечает всё равно.

– Там про одну женщину сосед рассказывает, как 1-го числа такого-то месяца убило её сына, потом 17-го убило её мужа, а 21-го, говорит этот мужчина, я заходил к ней, и тут начали стрелять. “Я сказал ей, чтобы уходила в подвал, но она не ушла, и ей голову оторвало. И 11 дней мы не могли оттуда её унести, потому что стреляли. Ну, и когда уже забрали, она была уже вся объедена собаками”. И это всё очень спокойно рассказывается...

– Ты считаешь, что Россия должна была ввести войска?

– Введение войск – это был бы гуманный шаг. Это особенно хорошо было видно и слышно, когда я была в Горловке.

– Совсем недавно?

– Совсем недавно. По нам стреляют украинцы. Стреляют, стреляют, стреляют. Стреляют, стреляют, стреляют. Два часа подряд... Тут вдруг отвечает наша гаубичная батарея. После этого тишина. Всё.

* * *

Для тех, кто погиб в бою,
есть специальный рай,
где не надо просыпаться по крику “Вставай”,
где вражеская не прёт пехота,

не утюжит прицельно арта,
где нет дурака-замполита,
штабных бумаг,
вообще ни черта
из земного страшного;
и в обед
борщ с картошкой жареной вместо галет.

* * *

Нам кажется, что мы знаем, о чём мечтает и о чём может говорить как о самом важном всякая женщина.

Едва ли мы ожидаем, что молодая женщина вдруг скажет:

— Есть надежда, что мы отобьём Авдеевку.

Авдеевка — это населённый пункт, находящийся под контролем ВСУ.

Я не помню, о чём я спросил Аню — уж точно не о мечтах, но о чём-то, что, по её мнению, сейчас может произойти хорошего.

Она сказала именно эту фразу: отбить Авдеевку.

— Авдеевка очень важная, — сказала она. — Там они очень хорошо сидят. Они заняли промзону, и у них очень удобная наступательная позиция. Если их оттуда не выбить, они будут ползти вперёд. Либо они будут ползти вперёд, либо это будет гнойник, где постоянно гибнут люди. И потому нужно эту промзону отбить...

Спорить тут не о чем.

— Как ты добираешься до передовой, Ань?

— До той же Горловки легко добраться на автобусе. А дальше за мной приезжают и подвозят.

— И тебе правда не страшно?

— Ничего хуже, чем случилось, уже не случится. В принципе, я, скорей, агностик. Но вот все говорят, что после самоубийства ничего хорошего не будет. А я хочу с Лёшкой встретиться.